

*Соли и смолы,
Сети и лодки.
Звонкие молы,
Солнца обломки.
Виталий Амурский*

Стоял жаркий солнечный день. Парило немилосердно. В такие дни обычно ищешь тень, чтобы в ней скрыться.

Море было спокойным, каким оно и бывает в июле. Но на сей раз море даже не вздыхало, в отличие от обычного состояния — медленно вздымавшейся и опускавшейся массы воды; водная ширь была зеркально гладкой. Полный штиль...

А вот цвета воды и воздуха постоянно менялись от светло-розового до бледно-голубого. Краски были неустойчивыми. Перетекали одна в другую, менялись.

В воздухе над водой стояла дрожащая пелена. Чувствовалось волнение света. Угадывались колебания воздушных слоев. Освещение было каким-то незнакомым, новым. И всепоглощающее марево царило кругом.

Над морем небо обычно кажется обширным и необозримым простором.

И вот эта небесная бездна, эти небесные занавеси, стали вдруг еще выше и еще шире. Раздвинулись невидимые ранее границы, открылись бесконечные выси.

И в море возникли нереальные, миражные видения — замки, башни, дома, нескончаемые заборы, частоколы и мосты...

Неотрывно и зачарованно смотрелась та сказочная панорама.

Такого волшебного видения я больше не встречал, хотя езжу сюда, на Белое море, почти четыре десятка лет.

Вообще-то тут много необычных, непривычных явлений природы, или это, может быть, только для глаз москвича?

Неправдоподобно красивые виды! Рай для художников! Череда зеленых сопок и фиолетовых с синим дальних гор. Острова — зеленые пятна на фоне воды. Над всем этим великолепием растекаются теплыми красками волшебные закаты раскаленного и растопленного за день солнца...

В непогоду вода то темного от нависших грозовых туч, то молочного цвета от туманно-облачного неба. В ясную же погоду над морем простирается бескрайнее полотно неба, украшенное затейливыми вензелями дымчатых облаков. А где еще можно встретить дремучий лес рядом с морем? И лес и море, полные живности. А приливно-отливные течения такие, что оставленную у воды лодку после короткого похода в лес видишь в сотне метров от воды? А равновесие воды — куйпога, когда стоишь на мосту через реку, а вода ни к морю, ни от моря — застыла, замерла, потом вдруг вздрогнула... и потекла.

А робкие краски рассветов, загадки туманов? А радуга, да не двойная даже, а тройная, перекрывающая яркой аркой, покрашенной свежими красками, неохватные глазом пространства с островами, домами и лодками?

Литераль — дважды в день освобожденное от воды дно моря, по которому бродишь и не можешь надышаться запахом йода...

Зайцы, прыгающие на причале, к которому ты подплываешь, столбиками замершие на секунду и стреканувшие вдруг в лес... Цепочка тюленей гонит перед собой стаю сельдей, бешено атакуемую сверху чайками... Стая сама, похоже, гонит и выпирает перед собой сверкающий вал передних рыбин.

Где еще ежедневно можно увидеть полчища чаек, которые, как стянутая в узел ткань, вдруг снимаются с разных мест и стремглав несутся в одну точку, чтобы успеть выхватить из воды выброшенные тобой рыбы потроха...

Фотопортреты, сделанные в полночь, с нимбом солнца над головой; ведь солнце, бывает, и не заходит полярным днем...

Дружные дымь бань по субботам...

Болотца такие зеркально-тихие, что в них любит смотреться небо...

Огородное пугало, наряженное в ослепительно яркий жгуче-красный спасжилет... Стожки сохнувшей морской травы почти на каждом огороде...

Палка, прислоненная к двери, заменяет замки и ключи, если хозяева ушли на море, в лес, к соседям...

То тихая до звона в ушах погода, то вдруг ветер такой, что с лихим свистом вмиг сдувает белый пух со стеблей иван-чая, оголяя их и оставляя лишь высокие розовые метелочки.

Серые совы с круговыми узорами цвета беж, охотящиеся на землероек в огороде.

Прибрежные камни и скалы, сплошь покрытые белыми домишками рачков-балянусов.

А расшитые пестрым бисером ковры ягодников? Дурманящий запах багульника... Могучий иван-чай, прячущий в своих густых зарослях полярные карликовые березки и кустики вереска...

Как пришел кто к местности говорящие названия — Глинянка, Широкая губа, Сосновка, мыс Толстик...

Характерный говорок, услащенный словами «луда», «ламбина», «नावолок», «корга», «торок», «тура»...

В селе деревянные настилы — дорожки, площадки, делающие шаги людей упругими и бодрыми...

Собираешься в очередной отпуск, и описанные виды, запахи и звуки не дают спать, будоражат, перекрывают явь... В мыслях я провожу здесь никак не меньше полугодя, хотя на деле нахожусь лишь месяц. И перед

отъездом в висках все время название села и вопрос «когда ехать?» сливаются в «ковда ехать?».

Ну, обо всем постепенно.

С пятнадцатого века упоминается в летописях село. Так говорится в путеводителях. Из новгородских, псковских земель люд тянулся сюда, в заполярные края, за зверем, рыбой. Находил и промысел и охоту. Оседал.

Сотни лет назад Ковдский рейд знали шкиперы шведских, норвежских, английских и голландских судов. На островах, что в Ковдской губе, работали лесозаводы, кирпичные заводы, рыбозавод... И сейчас проходишь мимо островов и видишь отметины тех времен на камнях в виде цифр «8», «3»...

Все вблизи Ковды-села называется Ковдским. Озеро за селом — Ковдское. Цепочка из пяти озер, расположенная этажеркой и бегущая на многие десятки километров севернее, тоже называется Ковдозером, а соединяет эти озера река Ковда. Водохранилище у Зеленоборского, сбрасывающее воду в море, — Ковдское... Ну и железнодорожная станция, что в двенадцати километрах от села, носит название Ковда. В прежние времена и волость была Ковдская.

Стоит село при впадении реки в море.

В самом селе, посередине — гора, каменный лбина. Глядя с моря, моряки и рыбаки ориентировались по большому кресту, стоящему на вершине этой горы. Поставлен он как погребальный знак погибшим на охваченном тифом шведском корабле.

От подножия горы к морю сбегает несколько рядов домов, ныне сведенных одним названием — Морская улица. Это Старая Ковда. Говорим «ряды домов», а ведь там не только дома, но и сараи, амбары, сенники, навесы, дровяники, коптильни, бани и иные постройки. Там же и магазин, а на взгорке, чуть за селом, в можжевельно-сосновом лесу, метеостанция, стерегущая здесь погоду уже сотню лет.

Створный знак, выцветший, слившийся по цвету с окружением, теперь незаметный и ненужный — крупные суда сюда уже не заходят. На плоскостях створа сохранились остатки красной и белой красок... Еще один похожий створный знак высится в стороне от села на берегу, и есть третий, повыше его, в лесу... Разбросанные аккумуляторные батареи, бетонные плиты, деревянные лестницы с перилами — в гнили и запустении. Кругом крапива, прячущая под собой все

неприглядные остатки былого порядка и нужности.

На той стороне горы, что скрыта от моря, стоит церковь. Крест и шатер с моря видны. Церковь поставлена в пол-горы. Во всех справочниках деревянного зодчества есть она — чудной красоты Никольская церковь.

Святой Никола — покровитель моряков и рыбаков на севере. Потому всюду в Мурманской области, на Кольском полуострове «от Мурман до Колы тридцать три Николы».

Возле церкви и за ней — до озера — стоит еще группа домишек, объединенных улицей Озерной. Это Новая Ковда.

Я застал время, когда двускатная крыша церкви и луковка с крестом были покрыты осиновым лемехом. И при солнечном ли, при лунном ли свете церковь стояла, точно облитая серебром... Дух захватывает, когда видишь такое. Поздние реставрационные работы убили эту красоту: крыша обита крашеными досками; не шифером, слава богу; купол колокольни же снизу наглухо зашит. Все чисто и ново, но неправильно и без души. Да и без привлечения головы сделано. Так, в той же колокольне звуку негде теперь набрать мощь и силу, чтобы лететь вдаль.

Река Ковда отделяет Старую и Новую Ковду от той части села, что зовется Запанью. Раньше был сплав, была заграда из плавающих бревен, скрепленных цепями, — ловушка для сплавленного леса. Эта ловушка и называется запанью. Сейчас сплава уже нет. Заграды той нет.

Часто придется нам добавлять горькие слова «уже нет».

Ковда для чиновников стала «ненужной стариной», «неперспективным селом». Такие села постепенно исчезают с географических карт. Определяет это, похоже, только величина бюджета.

Южнее, в Карелии, это тоже Беломорье, уже много таких пустующих деревень. Одной из них и название уже дано — Летний берег. Зимой деревня мертва.

О тех деревнях написана даже книга «Осиротевший берег». Где-то встречал упоминание о ней.

В наше время в селе Ковда постоянных жителей насчитывается двадцать человек: одиннадцать мужчин и девять женщин. Пенсионеры и инвалиды. Работы нет.

Крупный лесозавод на острове Оленьем, что в минутах хода на моторке, дававший работу тысячам рабочих, в том числе

и ковдовчанам, обанкротился. Поселок, название у которого, конечно, Лесозаводский, населен безработными.

Частьенко на море встречаешь людей, которые выехали на рыбалку, а засолить рыбу не могут — денег на соль нет.

У бывшего лесозавода догнивает ныне пустующий причал для крупных морских судов. Ослеп ранее посылавший промельки в морские просторы маяк. Он сигнализировал лесовозам, показывая вход в Банную губу, ведущую к заводу. Суда подходили, и далее лоцман, штурман или капитан корректировали путь судна по створам.

А здесь, в Ковда-селе, остались многочисленные развалины с бушующими зарослями крапивы. Развалины клуба с угадываемой еще в зарослях травы танцплощадкой. Остатки фермы и школы. На моих глазах исчезли почта и медпункт. Дома ветхие еще стоят, а самих услуг уже нет. Это за рекой, в Старой Ковде.

В Запани дома тоже имеют адрес — улица Лесная. Вокруг села если не вода, то всюду — лес.

В село из Запани можно попасть, перейдя реку по мосту. Но до него надо еще пылить по дороге. Правда, «пылится» — это уж очень уныло получается. Идет же та песчаная дорога по лесу, и в лесу том видны озерца да ламбины — живописные болотца. А ближе к селу уже река просвечивает сквозь стволы деревьев; воды ее беспокойно несутся то к морю — при отливе, то от моря, когда прилив идет. Весь путь, если из Запани в магазин идти, займет примерно час.

Бывали времена, что сносило мост из-за сбросов воды на электростанции. Тогда перебраться в село можно было только на лодке. Привозные продукты закидывали в село тоже на лодках. Приходила продуктовая машина в Запань на радость нам, ее жителям. Сообща разгружали, покупали насколько необходимые хлеб и молочные товары и переправляли ящики через реку в село. С той стороны чаще всех приплывал за ними Павел Ефимович Крисанов.

Теперешний мост уже несколько лет стоит, из металла сварен.

Многое видело село. И численность населения доходила до тысячи. И хозяйственная деятельность была разная — торговали с Северной Европой, соль варили и жир животных морских топили...

Более сотни жителей погибло в Отечественную. Пустые глазницы окон клуба смо-

трят напротив — на деревянный памятник с красной звездочкой наверху. Много там знаковых фамилий. Деревянные, Ладейкины, Прокопьевы, Чалковы, Ильины, Красовские, Потанины, Катаевы... Невольно задумываешься, сколько же таких сельских памятников со звездочкой по всей России... Сколько людей поднялось... И как мало вернулось...

Много пожаров лютых пронеслось, истребляя в селе дома десятками...

Показывают жители при случае:

— Вот здесь ряды домов были. А вот тут причал был (лодки сюда под мостом проходили), сейчас уж нет его. Вон столбики только остались... А там дальше еще ряды домов стояли. Сейчас море отошло, до бухты безопасной на ладе уже не дойдешь — мелкий ручеек пригоден лишь для того, чтобы ребятишкам кораблики пускать.

В зарастающем заливице, мельчающем с каждым годом, множество останков гниющих лодок. От некоторых над водой торчат лишь просмоленные носы.

Когда я появился здесь, в Запани, то встречались в буйной траве бугорки — остатки былых жилищ. Каждая кучка такая была заметна по зарослям крапивы, малины да иван-чая. Для ремонта своей печи я кирпичи там добывал, раскапывал. Иначе нигде не достанешь. Запустение было повсюду. Стройматериалов в продаже не было.

От богатой истории села есть и еще кое-какие следы. Эти остатки — могилы. Кладбищ у села два — новое и старое. Старое — это беспорядочно лежащие обтесанные плиты с иногда угадываемыми надписями «...купец... гильдии», «...мещанин», «Почетный граж...», «...покойся промышленник...» Плиты эти или куски их тут и там торчат из земли. За можжевельовой рощей можно наткнуться на них. Плит и их осколков много. Украшены вензелями и орнаментом. Значит, и каменотесная мастерская была... Кузня тоже, видимо, была — железные кресты встречаются.

Современное кладбище аккуратное, чистенькое и нарядное. Оно расположено в стороне от села, за разрушенной фермой, и ведет к нему песчаная дорога, вся усыпанная сосновыми иглами. Солнечная дорога — я бывал там только в такую погоду: навестить знакомых, побродить; посмотреть и вспомнить. Почему-то настроение на этом кладбище никогда не бывает угнетенным. Может быть, это от узнавания множества старых знакомых на портретах, от цветастых

красок кругом. Нержавейка сверкает до рези в глазах, фотографии цветные, пестрые венки, нарядные ленты, букеты...

Вот Чалков Константин Сильвестрович. Внешне — типичный помор. Высокий, светловолосый, красивый той мужественной красотой, какой обладали былинные герои. Он умел все: и печи класть, и срубы ставить, и лодки шить. Как-то говорил я с ним о лодках и о различных причиналах для лодок. Спросил, где же они покупают весла, ведь в магазинах в Зеленом, в Лесозаводе, в Кандалакше их не было. На что Константин Сильвестрович сказал, что он сам всегда делает весла. Срубит подходящую елочку. Ночи зимой длинные, вот и время есть обтесывать понемногу.

Помню, как-то сильные холода вдруг напали на село в августовскую пору. Мы, приезжие, кутаемся. Встретил Чалкова. Он в одной ковбойке. Ветер треплет его седоватую шевелюру.

— Неужели не холодно, Константин Сильвестрович? — спрашиваю.

— Какое там. Я косил тут поблизости. Только кончил. Все спешил — до дождей управиться надо, — был ответ.

А вот фото Екатерины Ивановны Ладейкиной. На снимке она молодая и красивая. В последние годы жизни она уже плохо видела, ходила в очках с перевязанными бинтом дужками. Жила она в Запани. Два сына у нее — Валерий и Николай. Оба работали в совхозе до его развала. Это они после бани, распаренные, в непогоду, могли по первой просьбе отправиться за школьниками на острова.

Николай погиб на море.

Валера со временем перебрался в село на Морскую. Звал мать, но Екатерина Ивановна долго не хотела покидать свой дом и жила здесь, в Запани.

— Много ли мне надо? — говорила. — Ничего не надо, — сама же отвечала.

Мы часто приглашали ее попить чайку. Возвращаясь на лодке из магазина и застав ее там, захватывали ее с собой, чтобы не брести ей пешком. Очки ей я поправил, найди нужные винты.

Как-то раз Екатерину Ивановну встретили возвращавшейся из леса. Говорит:

— Не дойду до дома, хотя всего-то два шага осталось. Ходила за морошкой — «отбила все ножки», да пошла не в ту сторону. Вышла на шоссе, а куда идти — забыла. Перебегала ведь с одной стороны на другую.

Последние два года жизни Екатерина Ивановна жила уже в селе у сына.

На судьбы людей, конечно, влияет близость моря — много людей тонет. Много и нелепых смертей. После бани выпили и погнали на двух тракторах до ближайших островов наперегонки. Было дело, конечно, в ледостав. Лед не выдержал и ушел трактор под лед. Кто успел выскочить, а кто нет...

Дети... Два десятка школьников в перегруженной лодке в ветреный дождливый день переплывали реку. Все спешили домой из школы... Перевернулись... Спаслось трое. Девчонку, в истерике схватившуюся за ствол дерева, взрослые не могли оторвать, чтобы увести домой... Рев стоял в селе...

Мы говорили, что постоянных жителей в селе сейчас двадцать человек. Это не в сезон. Летом же село так распухает, что население вырастает в десятки раз. Родня наезжает, дачники. Набегают туристы с байдарками, катамаранами, каяками. Приезжают многочисленные рыбаки. Время от времени появляются форельщики, звездочеты, мошководы. Это представители сезонных промыслов.

Форельщики огораживают часть акватории, арендуют или ставят дом, разводят рыбу. Хватает их на один-два сезона. Как правило, засоряют море химией, искусственной подкормкой... Пьянствуют...

Вода в реке Ковда часто бывает соленой. Море о себе и так не дает забыть. Поэтому провели когда-то в село водовод из озера Верховское. Озеро, полное чистой воды. Вода — хрусталь. А лежит Верховское километрах в четырех от села. Водовод со временем развалился, денег на его ремонт и восстановление нет... Сейчас сельчанам возят воду. В Запани же есть два колодца — выручают родники.

На морских и речных берегах в селе, везде, где удобный сход к воде, как тюле-ни-лежебоки валяются катера и лодки. У каждого здесь какое-нибудь суденышко, карбас, дора. Невозможно жить у моря и не стать мореманом.

Всюду у воды пирсы, пристани, мостки, причалы, платформы, сараи. Некоторые сооружения поднимаются с приливом и опускаются вместе с отливной водой. Другие строения неподвижны, стоят на кряжах, набитых камнями. Лодочные сараи есть и

Звездочеты — ныряльщики. Прибывают с мощными катерами. Вылавливают морских звезд, обваривают их, сушат, пролачивают. Расфасовывают и отправляют эти будущие сувениры в Питер и в Калининград...

Мошководы — добытчики мха и агар-агара из Архангельска.

Не все из приезжих оседают на лето в селе. Островов вокруг много. Леса по берегам... То там, то здесь иногда видны бывают огоньки костров...

Село стало дачным поселком. Появляются летом дачники. Строятся. Привозят детей! И звенят детские голоса! И живет село вопреки всему! Вот именно летом и оживает село! Подобно растению село расцветает весной и все лето растет до осени. Село и развивается усилиями дачников. А дачники эти в основном потомки ковдовчан. Расселились они повсюду — в Зеленоборском, в Кандалакше, в Мончегорске, в Мурманске, в Питере... Но всех тянет сюда... Будь то воспоминания детства, рассказы старших или часть прожитой зрелой жизни...

Вот село и время, которое я знаю, и буду описывать.

Я не имею определенного сюжета. Это не какая-то стройная история. Скорее всего, это исповедь душевного настроения, состояния души...

***

на сваях. Внутри таких сараев вода и лодки, спущенные на воду. Распахни ворота и... вот он выход на водный простор... В сараи, построенные на берегу, лодки втаскивают воротом. Или вручную, если рук много. Взаимовыручка тут у каждого в крови. А как иначе? Зимой иной раз без помощи соседей из-под снега и не откопаться...

Чтобы на сходах к воде камни не мешали выводу лодок, то от них освобождались, если ни ломом, ни воротом их не вывернуть. При отливе обкладывали эти камни сушняком, поджигали. Затем на раскаленный камень плескали воду. Чередуя огонь и воду, добивались, чтобы камень трескался, раскалывался и крошился. Так избавлялись от препятствий. Несколько часов, а то и дней уходило...

Большие лодки и тягать надо скопом. Раньше, старожилы рассказывают, на больших дорах, где одному гребцу делать нечего, уходили в море большой гурьбой. И когда

улов был хорош, то возвращались с песней. А слышав песню, народ выходил встречать. Вдовам и старикам тут же на берегу отдавали часть улова.

С удовольствием иной раз смотришь, как моторка звенит где-то вдалеке, один звук, самого источника звука не видно; потом появляется точка, точка растет, вырастает и становится все больше; на скорости подходит к причалам, высоко разбрасывая воду и раскалывая носом тугую волну надвое, с ходу заносит ее в прыжке на платформу, где она и затихает, похожая на усталого зверя.

В море от села уходит россыпь островов — Олений, Овечий, Плосконый, Березовец, Еловец, Высокий, Высоконый, Васька Хромой, Микков, Кривой, Золотариха... Золотариха — из-за золотистого цвета сохнувших на солнце сетей. Когда в ясную погоду с моря идешь из-за островов к селу, то еще издалека

в их разрывах виден маящий косогор, весь испещренный крапинами изб. А сами острова (это их рисуют в русских сказках) — в виде чудо-рыбины, поросшей лесами...

Короткими летними ночами часто и побережье и островки кутаются в туман. Както накануне подобного утра, когда темнота ненадолго лишь прикрыла землю, слышалось с моря громкое чавканье и отчетливое шлепанье. Казалось, будто море наступает на сушу. Потом взошла луна и перламутром залила туман, который становился гуще сгущенки. Он-то под шелест волн, похоже, и наступал на сушу, обволакивая все кругом.

А на рассвете частенько можно еще застать туман, что стремительными потоками плывет, скользит между островками и сопками. Эти потоки струятся сказочно быстро! Встает солнце, и на пару с ветерком, туман изгоняют.

***

В этих местах работал в начале прошлого века известный биолог Сент-Илер. Это он добился создания метеостанции. Ученый описал более трехсот видов беломорских животных. Здесь поблизости, в Пояконде, Сент-Илер нашел наилучшее место для биологической станции, необходимой для проведения морской практики учеников, студентов, учителей.

Вот его фактическим продолжателем в Ковда-селе стала Соколова Галина Анатольевна. Каждое лето она вывозит в село учеников пятьдесят седьмой (позже пятьсот двадцатой и сто семьдесят девятой) московской школы, студентов и аспирантов — своих бывших школьников.

Многое дают ребятам эти приезды на Белое: знания по теории и практике морской биологии, навыки походной жизни, сельские работы в помощь сельчанам, незабываемые впечатления морских путешествий... А вечерами — костры; задумчивые песни под гитару, чтение вслух произведений М. Булгакова, Л. Филатова...

О Г. А. Соколовой надо писать отдельную книгу — многое она сделала для учеников, много хорошего сделала для села...

Приведу характерный пример поведения Галины Анатольевны. На их участке, где стоит несколько жилых домов и лабораторных зданий, сгорел один из домиков. Некоторые люди в подобных случаях со-

крушаются, горюют, ищут виновных... Соколова же поручила нескольким ученикам огородить место пожарища и вести дневник наблюдений. В дневнике записывать, указывая, какие травы появляются вначале, какие позже... Эти свидетельства были затем опубликованы в биологическом журнале.

Благодаря Галине Анатольевне и мы попали на Север. Года два нас звала туда Галя купить какой-нибудь бросаемый дом и провести отпуск. Мы вяло отказывались, так как не знали и не чувствовали, что это такое — Север. Все-таки Заполярье. «Наверное, там льды, холода, белые медведи...» — представлялось нам. Но вот, сходя на байдарках по рекам и озерам Кольского полуострова с выходом к морю, мы поняли, что такую благодать мало где еще можно встретить.

В те годы частенько, говоря про отпуск, назывался ЮБК — южный берег Крыма. Поездки за рубеж тогда были крайне редки. Поэтому Крым да еще и Сочи были местами паломничества россиян. Мы же в шутку под ЮБК подразумевали южный берег Кольского.

А запомнился этот берег скалистыми кручами, лесом, подходящим к самой воде, водопадами, болотами до горизонта, кочками, усеянными оранжевыми огоньками морозики, белыми ночами и по-южному солнечными днями.

Места же там встречаются настолько дикие, что однажды, чистя песком на берегу миску, я обнаружил наблюдающего за мной тюленя. Тот выполз на огромный прибрежный валун и разместился на нем, как на трибуне. Он разглядывал меня, привлеченный издаваемыми мною звуками. Пока я тихо крался к палаткам, чтобы позвать ребят и сфотографировать любознательного зверя, он тихо, без плеска, соскользнул в воду и... исчез.

Рыбаков среди нашей байдарочной группы не было. А потому и снастей мы не имели. Это и хорошо, так мы считали, — во многих справочниках и в материалах туристического клуба говорилось, что к семужным рекам подходить нельзя, виновные наказываются большими штрафами и изъятием снастей. Снастями же считаются даже авоськи и полиэтиленовые пакеты.

Питались мы в том походе немного впроголодь — так получилось, ошиблись в расчетах раскладки. А места кругом были ненаселенные. Единственное напоминание о цивилизации — лишь пролетающий изредка вертолет рыбнадзора.

Вот потому я обрадовался, когда на одной из дневок обнаружил у покинутого кострища леску с крючком, развешенную на ветвях ольхового куста. Естественно, решил испытать счастья. Накопал ручейника и бокоплава, вышел в море. Сижу в байдарке, и одна за другой мне попало несколько приличных трещин, сантиметров по сорок длиной. Очень бойко шла ловля. Вдруг между мной и берегом медленно, очень медленно, всплыл огромный ослепительно-белый шар с серыми заплатами. Причем я видел не весь шар, а только часть его. Длина хорды этого шара, которая мне была видна, была раза в два длиннее моей байдарки. Этот шар всплыл и не торопясь повернулся по часовой стрелке. И ушел под воду, исчез... Я оцепенел от страха. Не мог понять, что это было. Удочку я бросил и решил плыть к берегу. Если плыть в другую сторону, то шар, что бы это ни было — тарелка иноземцев или какой-то иной подводный аппарат, все равно же на-

стигнет, если захочет. Доплыл, долго не мог остыть от возбуждения и, захлебываясь словами, торопливо рассказал ребятам эпизод. То, что это может быть существо животного происхождения, мы поверить не могли.

На следующее утро мы покинули стоянку. Озирались и были напряжены поначалу. До Кандалакши надо было плыть тринадцать километров. И вот на этом пути время от времени нам попадались на глаза огромные белые туши морских животных, подныривающих под нас. Так как они не нападали на нас, а явно веселились, то и мы перестали бояться. Но не могу сказать, что мы при этом веселились. Нет! А уж тем более, мы не подныривали под лодки. Приплыв в Кандалакшу, разговорились с местными.

— Да это белуха играет, селедку ловит, — нам пояснили. — Видите, вдали белые буруны? Это же они резвятся.

Белухи, как мы потом выяснили, относятся к семейству дельфинов подотряда зубатых китов.

Если вернуться к истории появления нас в селе, то после байдарочного похода Галине Анатольевне сказали, что мы теперь согласны на покупку дома. «Уж следующим же летом мы приедем в Ковду-село, несомненно».

И вот наступило это следующее лето. Перед отпуском неожиданно получаем телеграмму: «Все дома в селе распроданы. Остается последний дом. Много разрушений. Покупать? Галя!». Мы ответили согласием и вскоре поехали... в неизвестность.

Дом был куплен без нас. Но куплен для нас. Куплен за сто рублей и две бутылки водки. На покупку дома была составлена купчая крепость.

На составление купчей крепости было потрачено полчаса. А что там мудрить: «продавала такая-то»; «купил — такой-то»; «цена вот такая»; «запись в похозяйственную книгу № 2 на странице этойкой внесена». И на эту бумагу наложили печать поселкового совета, благо он был в трех минутах ходьбы от дома бывшей хозяйки Анны Ивановны Кряжевой. Она проживала в рабочем поселке Лесозаводский.

***

Бывает, что в ожидании транспорта в село, проходит и час, и более. Я приучил себя считать это время началом отпуска, а потому переживал его относительно спокойно.

Надо сказать, что много знакомых и товарищей по работе перебивало у нас. Погостить, полюбоваться северной природой...

О некоторых я еще расскажу дальше.

Общий взгляд на село мы уже бросили, а теперь остановлюсь на описаниях погоды, о море, а также о ближайших лесах поговорим.

Во-первых, морозами и льдами там летом и не пахнет. Бывает, конечно, холодно, но это обычная погода и для средней полосы России. Ну, может, чуть чаще. Во всяком случае, тут не край, не конец географии.

Часто бывает так: стоит угнетающая жара, такая, от которой хочется куда-нибудь спрятаться, а потом вдруг начинаются дождь или холод. Такие частые и внезапные смены погоды типичны для Беломорья. Там дождь, туман, ветер, тишь, холод и зной могут сменять друг друга мгновенно.

Однажды в солнечную и жаркую погоду мы ушли в море, а возвращались в сильный дождь, ветер, холод, и уже наступила темень. Наугад, на ощупь, осторожно, чтобы не разбить о камни лодку, мы входили в устье реки, где расположилось село. Тут ветер и дождь усилились. Сквозь порывы ветра слышались какие-то истошные крики. Ветер все время рвал голос. Стало тревожно. Уже при подходе к причалу крики стали ясней. Жуть и оторопь охватили нас. И вот в какой-то миг можно было наконец расслышать:

— Мочалку кто-нибудь дайте, эй!

Была суббота — всеобщий банный день в селе.

Во-вторых, лес, который стоит у моря. Ягод и грибов в сезон — не собрать. Кстати, местные запасаются всем по порядку. Сначала созревает экзотическая ягода — морошка. Это бывает в июне-июле. Затем появляются черника и голубика. В сентябре же королевская ягода — брусника. Еще позже — клюква. Грибы там если белые, то — загляденье. Красноголовики тоже красавцы! Необычайно красиво смотрятся коричневые и красные шляпки грибов на фоне белого ковра ягеля. На супы, на жарену всегда наберешь. Ну и для любителей маринадов и солений тоже всегда есть выбор — маслята, волнушки, лисички, грузди. Что хочешь, то и набирай! А какие соленые грибы готовят в селе мастерицы — не оторвешься!

А вот дату начала сбора брусники сельчане соблюдают очень строго и потому ждут с нетерпением. Раньше этой даты, незрелую, собирать нельзя. По другим ягодам нет такого ажиотажа. В газетах сообщается о намеченном сборе. Поутру в определенный день

лес гудит от голосов сборщиков. У каждого за плечами короба, в руках же — грабилки.

Грабилки — деревянные или металлические ковшики с зубьями для зацепа ягодных кустиков. Еще одно из названий грабилки — комбайн для быстрого сбора ягод. Много есть усовершенствованных граблук. Некоторые устройства имеют удлиненные ручки, чтобы меньше надо было наклоняться. Есть грабилки, у которых закрывается ковшик сбора ягод.

У многих жителей села хранятся старинные грабилки. От многослойного лака они приобрели буро-красный цвет. Их вполне можно принять за изделие красного дерева.

Водятся в лесу медведи и волки, лоси. Но за период свыше тридцати лет лично я их не видел. Говорили лишь, что «вон на той горе» или «вон за той губой» живет медведь. Сосед, которому можно верить (потом поясню) говорил, что однажды копал морских червей. Их копают при отливе. И слышит сзади шум какой-то, оборачивается — медведь... Вываливается из леса, перебираясь через бурелом. И очень агрессивно идет на соседа. Тот бросил лопату, вскочил в лодку и за мотор. Хорошо, что мотор сразу завелся.

А верить Федору Федоровичу безоговорочно я стал вот почему. Прямо против моего эллинга, иначе говоря, лодочного сарая, были огромные камни. При приливе лодка проходила над ними спокойно, а при отливе ее нужно было проводить аккуратно, осторожно, чтобы не налететь на препятствие. Федор Федорович время от времени говорил мне, что если он доберется, то выворотит эти валуны, чтобы они не мешали проходу. Для этого есть у него несколько лебедек, тросы, ломы... Разговор этот возобновлялся в течение двух-трех лет. И как-то, в очередной приезд мой на Север, смотрю — ничего не мешает выходу лодки на воду. Я к Федору с вопросом:

— Как удалось?

А он отвечает, что это не он, это весенний лед растащил камни. А казалось, что ему стоило приукрасить, поднять себе цену, рассказать о трудностях проделанной работы...

Чуть ранее я сказал, что за период свыше тридцати лет медведи не попадались. А тут, этим летом, неожиданно-негаданно состоялась встреча. Не полный контакт, к счастью, а близкая встреча, вскользь.

Первая за все эти годы, не считая медведя, которого я увидел в лесу в тот год,

когда ремонтировал дом. Есть у меня там, в двадцати минутах ходьбы от дома, делянка. Показала мне ее Гали Соколова. Делянка эта занимает небольшую площадь: косогор, склонившийся одной стороной к воде, к внутреннему водоему — Варначковой губе, огибающей крюком этот холм. От моря, значит, и от ветра, этот кусочек суши отгорожен скалами, поросшими сосняком, ельником и можжевельником; это уже другая — высокая часть косогора. В густом черничнике, покрывающем здесь почву, выются тропки, обгоняющие и набегающие друг на друга. Метров четыреста в длину, а в ширину метров пятьдесят — вот площадь этой делянки. Вот на этом месте в разные годы, сухие и влажные, набирал я от нескольких боровиков до пяти-шести десятков за раз. А урожайность этого огорода — через день.

Место это — сказочное. Могучие сосны и ели, обвешенные космами лишайника и мха. Заросли можжевельника, стайка стройных березок и осин — каждый метр тут мне знаком. Каждый шаг напоминает о встреченных здесь грибах. Чуть выше по косогору стоит несколько корабельных сосен. Смолистый дух в Варначковой такой густой, что, кажется, споткнуться о него можно. И кругом заросли черники. Тут она на высоких кочках растет. Между этими кочками и деревьями — дорожки, о которых я говорил. И вот ходишь в этом лесном царстве и собираешь — красноголовки через шаг, а боровики... их высматривать надо, оловяные лапы поднимать, черничники шевелить, за кочки заглядывать. Боровики в прятки любят играть.

Но самое удивительное — а для москвича это до неверия поразительно — бродил я там один или в паре, когда приглашал кого-то из родни или из знакомых с собой, но крайне редко встречал иных грибников. Хотя место это было всем сельчанам известно. Иной раз многие спрашивали меня, интересовались видами на лесной урожай. В конце расспросов часто итожили:

— Ну, значит, пора и мне на Верховское двинуть...

Разговоры о медведях в окрестностях села, вблизи Варначковой, велись. Но велись такие, не содержащие опасностей:

— В губе Широкой, это рядом с твоим местом, медведя видели. Пасся он на берегу. Что-то искал.

— Хозяина тех мест — он ведь живет там — видели. Прямо от лодочных сараев лесозавода видели, через водный рукав.

Эти слова я от своей знакомой из поселка Гали Голубевой слышал.

А вот этим летом вдруг случилось. С женой мы отправились за грибами. Я, как всегда, постукиваю на всякий случай ножиком по пряжке, а палкой по стволам встречных деревьев, жена жужжит деревянной трещоткой. Стандартные приемы защиты привычно соблюдаем.

Чуть в стороне слышится как будто разговор невнятный. Весь путь до Варначковой этот говорок, это бормотание, а иногда и смешок, нас сопровождают. Удивляемся мы. Думаем, что это кто-то идет параллельно нам. Мы — по самому берегу моря, а кто-то, видимо, повыше, по телеграфной линии. Лопочет что-то. Неявно, а похоже. Кругом и лес шумит. Ветерок. Идем дальше. Как будто изредка, время от времени, и смех явно слышится, бормотанье и детский голос даже. Раньше я никогда не сталкивался с тем, что попутчиков, идущих по телеграфной, слышно. Может, не обращал внимания? А может, направление ветра влияет, слышно ли идущих там или нет? Наверное, считал, что это капризы ветра, шелест листьев... Может, так и воспринимал подсознательно?

Прошли мы небольшое болотце, поднялись немного, прошли невысокую гряду, и вот меж деревьев маняще засверкала вода — это уже видна губа наша. Пришли на место. Набрали грибов. Много набрали, души грибников радовались. Собрались идти уже обратно. Говорим с женой мы спокойно. Да и всю дорогу мы не таились. Не громко говорили, но и не шепотом.

И тут с другой стороны залива раздалось громкое бормотанье, пошло хрюканье и раздался рев. Голос раздраженный и такой громкий, что у нас уже нет сомнения — это мишка. Испугались мы здорово и рванули бегом через нагромождения камней и скал к морю. Невольно помчались подальше от этого рева. Разумней было идти той же дорогой, что и сюда: маленький перевал, болотце... Нам же казалось, спокойней там, где морские просторы видны, где много нагромождений прибрежных камней, где проходят иной раз моторки, лодки... Так, идя вдоль моря, мы и вернулись домой. И весь путь, даже при подходе к селу, уже в Сосновке, в спину нам раздавался недовольный рык зверя.

Весь остаток отпуска в Варначкову мы больше не ходили. Если шли за грибами, то маршрут был в противоположную сторону:

на Верховское озеро, по реке, вдоль лесной дороги в сторону шоссе...

Про волков я слышал от Дениса, который живет на станции Ковда и работает там же на железной дороге. В зимы, когда наступают такие лютые холода, что народ на улицу старается не выходить, свирепые стаи голодных волков кружат вокруг поселений. И иной раз отчаянно бросаются к жилым домам и утаскивают собак вместе с будками и цепями. Думаю, это одна из причин, что собачий лай в селе редок; и собаки здесь — лишь приезжие на лето. Собаки-дачники.

Звери кошачьего рода пропадают зимой — из окон видят жители: окружают волки незадачливую кошку или кота, сидят кружочком, посмотрят на него; потом вмиг накидываются скопом, не оставляя ни косточки. По словам одного из очевидцев, сценка освещалась таинственным желтым цветом, отбрасываемым уличным фонарем и сполохами северного сияния.

Детям, приезжающим в село на лето, старшие, успокаивая, обычно говорят про пропавших кошек:

— Да она в лес ушла жить. Одичала.

Есть тут еще и другие неприятные времена. Необязательно в такие же описанные выше холода. Они могут быть и относительно теплыми. Это время — полярные ночи. Не любят их люди. Побыстрее пережить сумрачное время — к этому стремятся все северяне. Днем лишь бывает, что слегка сереет, а так — темень. Кругом темно, то-скливо и серо.

Один лишь раз я был зимой в Апатитах, выполняя договорную работу, и заезжал в Ковду. Человеку, по описаниям многих местных и по своим промелькнувшим ощущениям, очень и очень не по себе. И чего-то постоянно не хватает. Неуютно человеку. Настроение подавленное. Хочется спать, но спится плохо. Аппетита нет. Часто болит голова. И вообще как-то все идет не так. Неудовлетворенность охватывает людей. Угнетенность. Во время полярных ночей, узнаешь иногда, стреляют по тещам. Происходят, думаю, какие-то сдвиги в сознании людей. Все-таки жить и работать полярными ночами — против естества человека...

***

Теперь о море. Это в-третьих. Само море Белое — необычный организм. Именно как живое существо его воспринимаешь. Да и жизнь всех поморов подчинена ритму моря. Ведь от поведения моря многое зависит. За дровами, за сеном, за грибами и даже в магазин поморские жители часто отправляются на лодке. Не говоря уже о рыбалке и морских прогулках. Ведь когда, например, идет путина, то в лодке — и стар и млад. Как-то в такое время искал я кого-то. Так ответ был такой:

— Дык он, как и все сейчас, — на воде. Сельдь вываживает!

Часто слышишь, перед стиркой женщины спрашивают:

— Как там, посмотри, вода себя ведет, большая она или малая? Прибылая иль убылая?

В сутки бывают два прилива и два отлива. Приливы и отливы заставляют внимательно относиться к нравам моря. Забудешься и смотришь: там, где была вода, теперь литораль — покрытая водорослями, ракушками, тиной, валунами часть глинистого или песчаного морского дна. Приливно-отливные течения Белого моря уступают,

где-то читал, лишь Адриатике. Приливная волна на Белом составляет метры. На Балтике, на Черном и Каспии — всюду, где я бывал — сантиметры. С учетом всего этого здесь и строятся причалы, мостки, сараи для лодок.

Был раньше в Запани рыбозавод. Остатки его строений я застал. Кряжи, на которых стоял огромный, как сельская площадь, причал, забивали камнями. Всякие ураганы выдерживали эти строения. Многочисленные пазы, врубки, потайные зубья... Народ рукастый был, это видно. Да и сейчас не перевелся. Множество построек сделано без гвоздей. Да и делали гвозди лишь для лодок. Гвозди медные и сейчас в старых досках и сшивах находятся.

Первым моим лодочным моторчиком был «Салют». Легонький, слабенький, всего две лошадиные силы имел. Но мне было достаточно: тащит лодку и — ладно. Обкатывал я его, к островам ходил и обратно. Как-то я далеко заплыл. Смотрю, на бревне «загорает» белёк. Лежит он, полеживает. Меня не слышит — мотор чуть громче часов тикает. Потом внезапно увидел меня, всплеснул ластами, как ручками, ахнул, и

это было слышно, перевернулся на бревне и ушел в воду, исчез.

Рыбалка же здесь азартная. Когда рыба клюет, а солнце не заходит, то не замечаешь, что просиживаешь ночи напролет. Помню, как-то рыбачили мы с женой и дочкой. Светлая ночь. На море легкая зыбь. Особенно удачливой тогда была дочка — тянет рыбину за рыбиной. Пальцы у нее тонкие, чуткие. А у меня лов не идет совсем. Большие антракты треска устраивает. В такой вот перерыв, убаюканный мелкой качкой, я задремал. Открыл глаза через какое-то время, а на меня из воды смотрит лицо, облитое призрачным лунным светом. Русалка, что ли? Стряхнув оцепенение, я пригляделся и увидел, что это лист морской капусты. Всплыл и плавает на поверхности. Полное впечатление, что это лицо. Тем более со сна.

Каждую рыбацью лодку обязательно окружают нахлебники: две-три чайки медленно фланируют вокруг, готовые мгновенно среагировать на выбрасываемые рыбины. Чем-то эти птицы похожи на кумушек, тетушек. Потому и называем их тетками. Каждую вытянутую из воды трещину или наважину они воспринимают как свой скорый перекус: тянутся, беспокоятся, подпрыгивают, подлетают. А бывает, когда надо (например, когда кидаешь им негодных нам в пищу керчаков), они даже не шевелятся. Обычные призывные возгласы рыбаков:

— Тетки, внимание! Ахтунг! — при этом рыбак высоко поднимает керчака, бросает, и тогда наиболее активным чайкам достаются эти рыбины.

В Белом полно морских водорослей, ламинарий и фукусов. Фукусы имеют много вздутый, полых внутри. За их счет морская трава держится вертикально.

Некоторые местные жители употребляют в пищу морские водоросли, богатые минералами. Для этого морскую капусту моют, очищая от песка, сушат, измельчают.

Из даров моря и побережья я бы отметил еще лягушник, по вкусу напоминающий петрушку. Я не слышал, чтобы кому-то это растение не нравилось.

Мидии тоже являются деликатесными блюдами на столах некоторых гурманов, умеющих их готовить.

А вот в будущем столы местных жителей, возможно, будут украшать крабы. Китайские мохнорукие крабы. Это не камчатские крабы, завезенные в XX веке в соседнее Баренцево море. Те как-то при-

жились там. Измельчали, но прижились. В Белое море, внутренний водоем, они редко проникают через узкое горлышко пролива. Думаю, из-за своей пассивности.

А вот китайцы — те уже пришли сюда сами. Очень подходящее название для рассказа о них «Когда выпадает роса». Идут они сюда с... запада. Возможно, из Норвегии. Они появились уже на Волге и в Черном море. Появились на Балтике. Завоевали Ладогу и Онегу. На Белом они обосновались пока в районе Архангельска и в устье Северной Двины. Водоразделы они переходят пешком, посуху. Переходы делаются по ночам, когда выпадает роса. Эти сведения, похожие на детективную историю, я почерпнул из статьи одного биолога в журнале «Наука и жизнь». Этот ученый считает китайского краба «самоходной экологической катастрофой». Этот краб является угрозой для стад ценных донных пород рыб Белого моря. Ожидается, что он всю кормовую базу сметет подчистую. А пока заставляет жителей жить в напряжении.

Одно время я стал замечать, что цвет моря в августе становится розовым. Раньше ничего подобного не видел. И этот цвет вода приобретает не из-за красок рассвета или заката, нет. Этот цвет из-за того, что море цветет. Вернее, цветут некоторые водоросли. Соответственно окрашиваются лодки, весла, моторы...

Своеобразная на Белом подготовка к рыбалке. В качестве наживки для ловли рыбы, например, Володя Воронов применяет купленные креветки, а обычно же используются морские черви и мидии. Для того чтобы заготовить наживку, необходимо при отливе ее накопать. Ну, это как при любой работе: подготовка к ней занимает много сил и времени.

Песчано-илистая литораль усеяна камнями, галькой... При отливе многочисленные ручейки бегут к морю. Вдыхаешь сильный запах йода. Передвигаешься по возможности по камням, иначе будет тяжело вытаскивать ноги из глины с осклизлыми водорослями.

Много лопат и вил ломается при копке. Ломаются и специально изготовленные трезубцы из титана... Тяжеленные пласты глины приходится поднимать, откапывая червей. Черви живут в конусообразных песчаных домиках, похожих на вулканчики. Эти сооружения состоят, кроме холмиков, из воронок. Лопасть лопаты надо ставить

так, чтобы захватить и холмик и воронку. Вскрывая их вместе, все сооружение, надо, не мешкая, хватать червя. Червь имеет намерение и способность мгновенно ускользать.

На островах при отливе встречаются пляжи, сплошь усеянные жилищами червей. «Страна вулканов» — вполне подходящее название для таких мест.

До двадцати пяти сантиметров длиной бывают морские черви. На крючок достаточно насадить треть или четверть его. Сам процесс рыбной ловли проходит так. Разматывается леска, на конце которой крючок с наживкой и грузило. Когда грузило достигает дна, то снасть следует выбрать, приподнять над дном на пол-метра или чуть меньше. И изредка надо постукивать по дну грузилом, дразня рыбу. Момент, когда та бросается на добычу, улавливаешь по рывку лески, тут уж надо не зевать, а резко подсекаешь рыбу. А далее — вытягивать снасть с рыбой, желательно не давая слабину, не допуская провисов лески.

Для того чтобы избежать трудоемкого процесса копки червей, мы много раз при-

обретали и пытались изготовить и использовать затем искусственную приманку. Тут и искусственные черви, цветные нитки, пластмассовые насекомые и еще много чего. Удачи в этом у меня не было. Впрочем, как и у моих приятелей.

Много времени обычно надо проводить у моря, в сарае: готовить снасти, лодку, снаряжение...

Вот вроде бы простая вещь — проблема сочленения мачты с поперечиной. А над этой проблемой я бился года полтора.

Речь идет о мачте для паруса. Поперечина же нужна для крепления мачты к бортам лодки. Понятно, что соединение это должно быть максимально простым и надежным. И мачта и поперечина — алюминиевые трубки круглого сечения. Как их соединить плотно? После долгих размышлений и консультаций было найдено изящное решение. Между вертикалью и горизонталью прокладывается пластинка, к которой металлическими скобами прикрепляются обе трубки. Соединение получилось жестким и прочным.

***

Расписание приливов и отливов постоянно отражается в местных газетах. Упомянул о газетах, и сразу вспоминается почтарша, как называли ее жители села, Галина Ивановна Ильина. В Ковду сослали ее раскулаченную семью из Чувашии. Это было еще до войны. А жили до ссылки они, по ее, конечно, словам, не очень зажиточно, «средненько». Приехали в ссылку, а тут такая благодать: грибы, ягода, рыба — сельдь, треска, семга. Непонятно, курорт это или ссылка. Курсы почтальона она окончила. Стала работать на сельской почте телефонисткой и почтальоном.

Муж ее — Иван Васильевич Ильин — был первым человеком, с кем мы познакомились в селе. Произошло это на почте, куда пришли позвонить в Москву. Он принял деятельное участие в нас. Видит: приехали люди, а дома у них, по сути, нет — ни окон, ни дверей, ни печи. Он достал пару каких-то старых застекленных рам, и вместе с ним мы понесли их из села в Запань. Рамы долго держались на чердаке и были очень пыльные. Иван Васильевич посоветовал помыть стекла и деревянные переплеты. Спустились к реке, и тут так получилось, что на камнях

одно стекло лопнуло. И долго еще я не мог заменить его, и оно выделялось трещиной, заклеенной одно время синей изолентой, а потом — прозрачным скотчем.

Много времени прошло, Иван Васильевич умер. Дочь Таня, уже будучи взрослой, погибла, когда с соседкой переправлялись на лодке через бушующую реку — мост через Ковду тогда был снесен. После похорон Тани Галина Ивановна тронулась умом, как говорили в селе, ожесточилась и порой была неадекватной. Как-то с комиссией она обходила село. Комиссия выявляла неплательщиков за электричество. Меры принимались необычайно строгие. Галина Ивановна указывала почти на каждый дом, электрики безжалостно срезали провода. Мы тоже не избежали этой участи. Анатолий Иванович Прокопьев сказал про Галину Ивановну, что после этого «село отвернулось от нее».

Но все равно — у меня самые добрые воспоминания о Галине Ивановне. Мы с ней дружили. Первое время, кроме нее да ближайших соседей, я никого в селе и не знал. Любили мы заходить к ней на чай, закупив пряники или печенье. Обменивались рассказами. Она говорила много о селе, о

жителям села, о себе, о различных случаях из жизни...

Надо сказать, что нас она много раз выручала.

Зимой покупала нам толь или рубероид. Летом, бывало, закажешь, а уезжаешь, не получив, — отпуск кончился. Пишу и так и вижу, как Галина Ивановна на саночках везет рулоны укрывного материала...

После случая с отрезанными электрическими проводами обязали всех жителей приобрести на свои небольшие пенсии электросчетчики, которые специально завезли в село. Комиссия из энергосбыта еще раз обходила дома. Уже без Галины Ивановны, она умерла к тому времени. Электрики записали показания счетчиков. После отъезда комиссии некоторые старушки, как бережливые люди, потянулись в магазин — сдавать счетчики...

А еще у Галины Ивановны был легендарный кот. Звали его Василий Иванович. Имя и отчество свои он получил по аналогии с комдивом Чапаевым, тот был земляком нашей Галины Ивановны. Родом они были из деревни Будайки.

Василий Иванович кошачьего рода всегда лечил свою хозяйку. Ему не надо было говорить или показывать, где и что у нее заболело. Кот это чувствовал. Он всегда в таких случаях ложился рядом с хозяйкой, прижимался к больному месту, и Галине Ивановне явно становилось лучше. Лечение кот сопровождал нежным мурлыканьем.

Но знаменит кот был не этим. Знаменит он был в селе тем, что к своей подруге, забное, проживающей в Запани, он перебирался через реку вплавь. И этот подвиг его не раз видели жители. Видели его и бредущим обратно уже по мосту. Наверное, предполагают сельчане, однажды кот провалился под лед. Но жизненных сил его хватило на столько, что он не сдался, а поплыл. И доплыл до другого берега...

Зимой и глубокой осенью Галина Ивановна старалась не выпускать Василия Ивановича. Один раз даже закрыла его в чулане, приперев дверь чугунной плитой. Кот открыл дверь, сдвинув плиту! Больше кота не запирали. Несколько зим он благополучно пережил. Но в одну из них кот сгинул.

***

По рекам тоже можно судить о приливах и отливах. По тому, куда идет течение, к морю или от моря, это и видно. А бывают редкие мгновения, когда вода застывает. Куйпога — так называется это состояние воды, пограничное между отливом и приливом. За три десятка лет, что я провожу отпуска на Белом, редкие мгновения куйпоги я наблюдал всего два раза.

В море толпы звезд и медуз. Белухи, тюлени, киты, сельдяная или полярная акула, промысловая рыба. Рыба всякая — треска, навага, камбала, зубатка, сельдь. Акул я видел только на снимке — стоит Слава Егоров в зимней одежде, а у его ног лежит двухметровая акула. Она запуталась в сети, потому и была выловлена.

Очень интересно ловится сельдь. Если все другие виды ловятся на наживку — червя, мидию, кусок рыбы, то сельдь — на голый крючок. На удочке-самодуре несколько крючков. Главное, чтобы они были блестящие, да еще блестя, которая сверканием тоже должна привлекать рыбу.

Осенью сельдь большими стаями подходит к берегу, как правило, в устья рек. Причем население бдительно следит за

признаками подхода стаи. Обычно над ней с криками носятся чайки. Они агрессивно бросаются в воду и выскакивают с пойманной рыбой. Но не только чайки охотятся за сельдью. Стаю могут сопровождать белухи, тюлени. Причем тюлени окружают косяк и гонят к берегу. Их можно принять за водолазов в больших круглых шлемах. Такие у них головы.

Дождавшись подхода косяка сельди к берегу, обычно все население выходит в море. На зиму поморы делают запасы. Сейчас, правда, уже в меньшей степени. Всюду есть продуктовые магазины.

В первое свое лето в Ковде я понял значение слова «корявый». От постоянного подъема и переноса тяжестей и напряженной работы я ходил, сутулившись, а руки были крюками, приспособленными только для того, чтобы хватать бревна, доски, молоток, топор... Чувствовал себя корявым пнем, лесным человеком. Вставал рано утром и работал весь день, прерываясь только на еду. За лето я втянулся в такой режим, и он мне был не в тягость. Наоборот — когда видишь результаты стараний, то и настроение поднимается.

В нашем доме поначалу жить было невозможно — ни окон, ни дверей. В печи дыры. Построен дом был, как и некоторые другие, вблизи рыбозавода плотницкой бригадой, рассылаемой на артельный промысел. Состояли они из заключенных ближайшего лагеря. По округе было несколько концентрационных лагерей. В нашем доме размещалась контора рыбозавода. Потом уже ее передали в частное владение.

Между домом Зеленцовых и нашим часто останавливались приезжие рыбаки и туристы. Однажды приехали два парня из Калининграда. У них был джип, доверху заваленный «доспехами». Там была резиновая лодка, навигационные приборы, спасательные круги, весла, канаты, якоря и легководолазное снаряжение. Они приехали получить разрешение на погружение в двух-трех местах, где, по их данным, были затонувшие суда.

А пока калининградцы, ожидая разрешения, рыбачили и всячески убивали время. Однажды я и Федор Федорович разговаривались с ними, в чем-то помогли. И они предложили мне попробовать погрузиться в костюме водолаза. С помощью этих ребят я надел скафандр. Привинтили мне голову — тяжелый медный шар с огромными глазами-иллюминаторами. На спину надели баллоны со сжатым воздухом. До этого проинструктировали, что дышать надо, нажимая затылком на клапан. При этом воздух будет выдавливаться, вытравливаться и пузырьками уходить вверх. На ноги у меня были надеты ласты. Ладони были открыты, никаких перчаток на руках не было.

Одевался я у воды. И вот пошел в воду. Чтобы не загрести песок ластами, шел спиной к морю. Мне помогали. Вошел в воду. Опустив голову, стал осматриваться. Вода оказалась неожиданной мутной, со многими взвесьями. Далее двух шагов ничего не было видно. Все было окрашено в желтый цвет. Видимый участок дна был усыпан промышленным мусором. Было много мотков проволоки, чугунных колец для печи, множество сифонов для газирования воды, фарфоровых черепков, стеклянных осколков...

Вначале я усердно стравливал воздух, а потом как-то забыл об этом. И я стал всплывать. Стало очень неудобно. Вдобавок ко всему, за что-то зацепившись, потерял одну ласту. Потравив воздух, стал шарить вокруг, чтобы найти потерю. Ничего не нашел. Надувшимся шаром я всплыл на поверхность.

Вот так прошло мое первое и, я уверен, последнее погружение с легким водолазным оборудованием под воду!

В море водится и кета с семгой. Знаю нескольких соседей, что промышляют красную рыбу у Терского берега Канда-лакшского залива. Много об этом не говорят, браконьерство как-никак. Довольно часто обходятся одной лишь фразой: «Сколько там сетей пришлось оставить...»

Был у меня приятель — Андрей Лапан, который брал (его слова) — семгу не в море, а в озере, при впадении в него реки Ковда. В Верховское озеро рыба заходит по реке. Но после постройки ГЭС, после обмеления реки красная рыба стала большой редкостью. Андрей — сибиряк из Иркутска. Рыбалка — это его страсть. Читал он книги, только созвучные с его хобби. «Старик и море» была любимой его книгой. Как-то он сказал, что в нашем Верховском озере должна водиться красная рыба. Он прочитал в одном старом справочнике под названием «Очерк путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардта» за 1895 год, что рыбаководы обычно приезжали сюда с двумя чемоданами блесен. А обратно увозили в этих же чемоданах красную рыбу.

Как водится у охотников и рыбаков Сибири, Андрей, приехав на поезде и добравшись до села (а раньше это было непросто), прихватывал краюху хлеба, пустой рюкзак, спиннинг и другие принадлежности лова и уходил на озеро. Бывало, что и на ночь. Когда возвращался, вынимал из рюкзака две-три щуки и (но пару раз) огромную, нам до пояса, рыбину, блестящую на солнце, как зеркало, семгу.

Как-то я видел, как он вываживал семгу. Мы собирали грибы у озера. Выйдя к широкой протоке, увидели, как Андрей на мелководье вытаскивал рыбу. Рыбина билась отчаянно, брызги летели высоко, и было такое впечатление, что это человек плещется, наотмашь лупя руками по воде, отмахиваясь и сопротивляясь. Вытащив рыбу, Андрей на костре приготовил пару окуньков на прутьях, угостил нас этим лакомством и бодрящим черным плиточным чаем.

Еще Андрей виртуозно готовил щуку «на досках». Рецепт приготовления он выработал сам. Выпотрошенную рыбу заворачивал в фольгу, предварительно нашпиговав ее чесноком, укропом и салом, и клал ее в угли. Сало смягчало сухость и жесткость щуки. По вкусу готовая щука напоминала

мясо цыпленка. Вынимал из углей и клал ее на доску, на плавник, которого вокруг было полно. Если блюдо предназначалось в дорогу, то приматывал рыбу скотчем к доске.

Андрей много видел и подмечал на воде, в лесу, и видел то, что обычный городской житель никогда не заметит. Например, идем с ним, он говорит:

— Белку видишь?

— Нет, где?

Он показывает. Говорит:

— Вот посмотри, как это можно, как пишут псевдознатоки, попасть белке в глаз дробинкой, если дробь летит кучно с разбросом метр на метр? Это возможно только в одном случае, когда белка выглядывает из-за дерева и у нее торчит одна голова, а шкурка в этом случае защищена стволком.

Однажды Андрей показал мне, как чайка воспитывает своего птенца.

— Посмотри, вон птенец призывно кричит, зовет мать. А вон она сидит в стороне, на камне, и смотрит за птенцом. Наблюдает. Воспитывает.

Долго птенец кричал и звал мать, она не реагировала, потом он стал бродить и клевать фукуса, ягоды, кузнечиков. На наших глазах птенец становился самостоятельным.

Из ночных походов мой приятель приходил с рассказами, например, о выдре, которая вместе со своими детенышами каталась по глиняному откосу, сваливаясь в воду.

Из снастей Андрей, если не «доведет», никакую не считал пригодной, отмечая множество недостатков. Каждый покупной спиннинг он переделывал, укреплял, упрочнял и делал функциональней. Много блесен он делал сам — или отливал, выплавляя из ме-

талла, или выгачивал из дерева. Деревянные блесны он делал состоящими из нескольких сочленений. Посередине блесны была плотная ленточка, благодаря которой звенья могли «ломаться» и изгибаться. Где-то внутри было и грузило. Блесны были раскрашены и покрыты лаком. От фабричных изделий его самоделки отличить было невозможно.

Как-то Андрей показал мне коробочку для блесен, сделанную из голенища женского сапога, которую я принял за фабричную. Он разложил ее для проветривания блесен. Раскрыта коробочка была как книга. В ней были пластмассовые «странички», имевшие отверстия, за которые цеплялись крючками блесны. И подобных, любовно сделанных изделий у него было много.

Андрей Лапан на удивление ладил со всеми местными животными. Он абсолютно не боялся подойти к огромной незнакомой собаке, взять за морду и дружески потрепать ее. После этого собака не отходила от него. Чем она была покорена, это было для меня загадкой. Как-то к нам стала прибегать соседская собака Коробовых. Андрей подкармливал ее, приговаривая, что пес совсем голодный. Почему-то от Коробовых прибегали к нам и их коты. Однажды Андруха Коробов отозвал меня. Мы обедали на улице. Я подошел к нему. Коробов сказал, что воспитывает собаку для охоты и просит не кормить ее. После этого отношения с собакой были нами прерваны. Надо сказать, что Андрей Лапан прикармливал мышь, которая жила под домом, но к нему, на его голос, вылезала из щели в полу. Однажды он нам это продемонстрировал.

***

Почти все острова в районе Ковдского рейда завалены белыми «костями» реек, много их прибило к берегам. Проблем с топливом нет. Туристы и рыбаки обеспечены сушняком. Жители время от времени запасаются чистенькими, отшлифованными морем бревнами и слегами. Если нужно набрать материал для ограды, заборов — вот он. Я обил плавником свою пристройку, завалянку по периметру дома. Доски еще долго не превратятся в труху, потому что соль их законсервировала. Дерево стало мореным.

Вспомнил, как в селе многие заделывали щели домов. Для тепла между бревнами

всегда, как и всюду на Руси, укладывается утеплитель: мох, лен, войлок, джут, пакля, монтажная пена... Но любую из этих конопаток часто выклеивают птицы. Чтобы предохранить конопатку, между венцами и бревнами набивают нащельники — специально подготовленные лесины. Мое собственное открытие, сделанное при прогулке по хозяйственным магазинам Кандалакши, — корабельный, или яхтный, лак. Если этим лаком покрыть, скажем, мох, то он, высохнув, становится похожим по твердости на стекло. И птицам выклеивать его уже трудно.

С некоторыми жителями села я веду многолетнюю дружбу, чему очень рад. Очень приветливый и отзывчивый народ. Когда я могу что-то для них сделать, например, прислать лекарства или тонометр из Москвы, то бываю чрезвычайно доволен — и от меня бывает какая-то польза!

О Федоре Федоровиче я уже упоминал. Мы с ним соседи, поэтому видимся практически каждый день. Понятно, что я — городской житель, поэтому многие работы для меня незнакомы. Он же, бывший сельский работник с Вологодчины, затем матрос Северного флота, рабочий литейного цеха Кандалакшского алюминиевого завода, делать умел буквально все, даже мог «шить» лодки. Когда видит Федор Федорович, что я что-то делаю, подходит, а ему — это заметно — не всегда нравится, как я что-то мастерю, например, дверь сарая. Забирает у меня инструмент и приступает к работе сам. При этом показывает способы, какими, скажем, можно вбивать гвоздь.

Если я рубил или пилил неподготовленный, тупым инструментом, а Федор Федорович это слышал, то он подходил, молча вручал мне свой отточенный топор или свою разведенную и наточенную пилу и забирал мой инструмент для заточки. После нескольких таких «уроков» я усвоил обязательную подготовку инструментов к работе.

Лодочные моторы Федор Федорович чинил постоянно. И себе и соседям. Обычно в его сарае на нескольких козлах были закреплены три-четыре мотора. Один случай запомнился. В моторе полетели поршневые кольца. Где их достать в селе? Обошел Федор Федорович всех знакомых владельцев лодочных моторов — ни у кого нет запасных колец. Взял он у меня длинный гвоздь, откусил у него шляпку и обогнул им поршень по бороздке, а острие спилил. Получилось кольцо, которое от заводского отличалось лишь тем, что было в сечении круглым, а не квадратным.

Как-то Федор Федорович говорит:

— Что же это мы подставляем себя под брызги? Ведь легко же для казанки сделать брызгоотбивную доску.

Он вырезал из нержавеющей стали «крылья», условно говоря. Заклепками прикрепил их к моторке, а края «крыльев» закрыл, обтянув их кабелем, который предварительно разрезал пополам, а внутренний электропровод вынул.

С другим из тамошних мастеров — Деревнинным Леонидом Петровичем — я познакомился так. Крыша моего дома была слабым местом все время. Периодически местная почтарша Галина Ивановна, наша хорошая знакомая, заготовливала для меня зимой рубероид. Летом его было не достать — дефицит.

И вот как-то летом появилась возможность купить шифер. Все надо было тогда доставать, в этом помог мне Володя Воронов. Купили, привезли, и я с моим другом Юрием на пару решили сделать эту работу — покрыть крышу шифером. Вначале подготовились теоретически — прочитали соответствующий раздел в книге «Как построить сельский дом». Разработали технологию «подачи» листов шифера на крышу. Листы были большие, примерно два на два с половиной метра. Толщина листа составляла около сантиметра, а вес огромен — свыше двадцати килограммов. Мы какое-то время не знали, как подступиться к шиферу. Раньше никогда этим не занимались. Методом проб и ошибок разработали технологию «подачи».

Кроме трудностей физической нагрузки, для нас представляла сложность такая операция: в местах стыка четырех листов шифера надо было сверлить их насквозь, для того чтобы отверстия располагались точно на одной линии. У нас это не всегда получалось. Поэтому при вбивании гвоздей шифер иной раз крошился. Так что, оглядывая выполненную работу, мы частенько обнаруживали трещины. Их приходилось заклеивать синтетическим клеем. Там, где лист шифера далеко выходил за пределы крыши, свисая с нее, приходилось использовать, как было сказано в книге, пилу.

Вот обо всем этом мы рассказали нашей знакомой.

— Обычно часа три-четыре у людей уходит, чтобы покрыть крышу, — сказала Галина Ивановна. И, видя наши недоверчивые лица, добавила: — А вы обратитесь к Леониду Петровичу. Он сам бывший строитель и охотно людям помогает.

Видя, как мы устали и измучены непривычным трудом, Ирина, моя жена, пошла к Деревнинным. Валентина Дмитриевна, его жена, прониклась нашими заботами и сказала, что Петрович обязательно придет к нам на следующий же день.

Понятное дело, что ждали мы его с нетерпением.

Из леса вышел пожилой человек с веселым выражением лица и деловой походкой направился к нашему дому.

— Вижу, какое оно, воронье гнездо! — это были первые слова, которые я еще издали услышал от Леонида Петровича по поводу нашей крыши.

И работа закипела. Там, где мы с Юрой пыжились вдвоем, он уверенно брал лист шифера, поднимал его над головой и спокойно шагал с ним.

— Главное, не бояться веса, — говорил он.

Потом мы разделились — я и Юрий орудовали на земле (подносили шифер), а Леонид Петрович царил на крыше. Чтобы ходить по уложенному шиферу, постелили доски. Леонид Петрович командовал нами. Дело шло споро. Забивая гвозди, Деревнин двумя-тремя ударами пробивал нужное отверстие и вгонял туда гвоздь. Вместо того чтобы отпиливать куски, как это делали мы, Леонид Петрович на земле ставил на верхушках волн шифера насечки топором, а потом резким ударом ноги разламывал лист и приговаривал:

— Чего жалеть-то, не мое ведь!

А получалось у него при этом очень ровненько.

Прибавками он сыпал все время. С ним было весело работать.

Со временем Леонид Петрович поставил нам на нашем участке отличную баню, дом для моего племянника Кости, отремонтировал печь.

Дом без печи — не дом. Огромное удовольствие в непогоду сидеть на низенькой табуретке. Дрова загружены в прочищенную топку так, чтобы воздух поступал к бревнам; поддувало открыто, чугунная дверца и заглушка прикрыты. Установлена нужная система вытяжки. Печь ровно гудит. Дым не вываливается в жилое помещение, он исчезает в дымоходе. Тепло, уютно. Сквозь визирные отверстия видны пляшущие огоньки... Хорошо!

Много для уюта в доме дает печь. Сидишь возле нее, подкидываешь полешки, кочергой шевелишь их; смотришь на бойкий огонь...

Сейчас появились реактивы, способствующие и розжигу, и очищению дымохода. Но я придерживаюсь выработанных опытом правил.

Для нормальной растопки всегда надо иметь запас сухих дров, после того, как

печь растопилась, надо очищать ее от золы, саж и несгоревшего дерева; укладывать в топку поленья не навалом, а так, чтобы был свободный доступ воздуха; дымоход нельзя закрывать дровами...

Использовать чаще надо поленья лиственных деревьев, а смоляные стараться не пускать в дело.

А прочищать дымоход лучше всего старинным способом — сжигая картофельные очистки.

С Деревниными мы встречались в каждый мой приезд. Да что там — встречаемся каждый раз, причем охотно. Много интересного всегда слышу от Леонида Петровича. Однажды он рассказал, как в детстве отправился с матерью на лодке в лес за ягодами. И, обнаружив осиное гнездо, разорил его — бросил в гнездо камень. И тут же увидел, как две осы-стражники летят на него. Больше он ничего не видел. От укуса глаза его да и все лицо мгновенно заплыли. И вот он рассказывал, как мать его проучила. На его вопли и зовы она подошла к нему, взяв за руку, отвела его к берегу, к лодке. За весла сел он. Дальше для него пошли бесконечные муки. Много раз тыркался — приставал к берегу, мать бросала ему: «Рано. Плыви дальше» — и столько же раз отталкивался, чтобы идти дальше — к дому...

Дом Леонида Петровича и Валентины Дмитриевны, видимо, самый нарядный в селе. Зимой он выпиливает много украшений — наличники, рамы, розетки, а жена его, бывший маляр, раскрашивает их. Все эти украшения находят свое место на фасаде дома, на разных строениях, на заборе... На многих красочных фотографиях села в проспектах и альбомах дом Деревниных заметно выделяется пестрыми красками. И смотрятся эти украшения не вульгарно, не вычурно, а очень органично.

Дом Деревниных и их участок можно долго и с интересом рассматривать. Это — самобытный музей.

Многие жители села при строительстве дома используют естественные скальные выступы, камни себе во благо. Так в селе можно встретить дома, построенные на каменных лбах. Порой такой фундамент и красивее, и надежнее искусственного.

В доме Деревниных есть каменный выступ внутри дома. Он используется как стена, полочка и пол коридора. Такая вот конфигурация этого естественного образования. Очень органичный закуток дома.

Во дворе дома Леонида Петровича и Валентины Дмитриевны между сооружениями проложены каменные дорожки. Если поднять любой из фрагментов этих дорожек, то будет ясно, что камни эти — плиты, порою очень тяжелые и большие, принесенные черт знает откуда, а под плитами в одном из мест виден ручей. Это родничок так обустроен, что на участке удалось оборудовать ирригационную систему. Свекла, картофель, редиска, лук, клубника — все открытые посадки поливаются.

Да, да. В Ковде клубника на участках — обычное дело, день длинный, солнце, счастай, не прячется на ночь...

У некоторых жителей есть и свои теплицы. Огурцы, помидоры выращивают. Сейчас появилась толстая пленка для укрытий. Раньше стекло завозили... А Леонид Петрович с давних пор и до сего времени использует один материал — пластик. Из выбрасываемых обычно пластиковых бутылей он вырезает квадраты, в которые материал легко можно развернуть, расправить и затем эти плоскости набить на переплеты рам теплиц. Такие оконца пропускают свет и лучи солнца и укрывают от холодных ветров.

В селе были и есть еще мастера.

Павел Ефимович Крисанов. Его жена Нина Дмитриевна и жена Деревнина Валентина Дмитриевна — родные сестры. Вообще у них была большая семья. Некоторых их сестер и братьев я знал. Очень красивые люди. Например, знал Афоню. Помню Лиду. Она часто встречалась на дороге по пути в село — ломала веники козам.

К Павлу Ефимовичу уже на несколько лет вперед очередь из желающих строиться. Но иногда он работал для души, не ради денег. На видных живописных местах он ставил кресты. Огромные, добротные. Кресты ставил в честь кого-то.

Продолжу о Павле Ефимовиче. У жителей села часто возникает необходимость ехать к электричке на одну из ближайших станций или наоборот — от электрички добираться в село. А это, смотря о какой станции речь: в одном случае — двенадцать, в другом — тридцать километров. Так вот Павел Ефимович на своем крытом грузовике, который он содержит в отличном состоянии, всегда готов помочь. Его друг — Анатолий Иванович, о котором речь ниже, сходит с электрички и всегда видит знакомый уазик.

На пожаре, о котором еще расскажу, Павел Ефимович был в числе тех, кто его тушил.

Когда происходили неприятности с мостом (периодически его сносило), Павел Ефимович на моторке переправлял людей, продукты, материалы... И, конечно же, безвозмездно.

Павел Ефимович человек, который в случае необходимости тратит время и силы, не считается ни с чем, когда требуется помощь людям. Вот несколько примеров. Игорь, сын Федора Федоровича и Ирины Николаевны, утонул на озере. Часто в тех местах люди тонут в море, в реке, на озере — в непогоду. Надо было привезти тело домой, оповестить милицию и врача, привезти врача, отвезти врача, оформить документы в Кандалакше. Когда умер Федор Федорович, надо было выполнить такие же процедуры и в этом случае. Все сделал Павел Ефимович. Никаких денег, даже за бензин, он не взял. Объяснение у него такое: «Я ведь тоже умру когда-то, и, если кто-то так же поможет моей семье, это и будет наградой».

А еще Павел Ефимович помогал при пожаре, свидетелем которого я был. Стояла жара. Но не она была причиной возгорания, а, как потом выяснилось, — старая проводка. Загорелось внезапно, как это и бывает. И мгновенно пламя охватило все. В то лето село было без моста. Поэтому вызывать пожарную машину не имело смысла, она была на ремонте. Мы, несколько человек из Запани, стояли зеваками и глазели на пожар, потому что, пока вытащишь лодку и доплывешь, дом успеет сгореть. Пожар был скоротечен. Видели, как люди с ведрами бежали к реке, затем наверх и поливали крыши ближайших к пожару домов. Видели и Павла Ефимовича среди них. Как узнал от соседей: в сгоревшем доме поминали покойника. Все здорово переплилось. Покойника вытащить из дома не смогли. Жертв же пожара, слава богу, не было.

Расскажу, как познакомился я с Афоней. Это было в первые мои приезды на Белое. Отпуск заканчивался. Моему товарищу Виталию пришло время уезжать, до нашего же отъезда оставалось еще несколько дней. Это можно было сделать на автобусе, который ходил с Лесозавода, куда можно было добираться только на лодке. Своей лодки у меня тогда еще не было. Сосед Володя Воронов изредка давал нам казанку — порыбачить, покататься, привезти дров.

Вот эту казанку мы взяли. В нужное время поехали. Мотор работал отлично.

Поднималось волнение на море. Ветер крепчал. Доплыли. Чтобы пристать к берегу, я долго маневрировал на веслах. Виталий с сыном ушли, стараясь успеть на автобус, а я стал выгребать. Ветер поднялся уже довольно сильный. Пока я выходил из-за груды камней у берега, занимал хорошую позицию для старта, мотор на холодном ветру остыл, и запустить его я не смог, несмотря на многочисленные попытки. Опыта обращения с моторами у меня не было, поэтому завести его так и не удалось.

Пытался пересечь проливчик, чтобы идти уже вдоль берега к дому, но ветрище стал таким, что алюминиевые весла, которые были у меня в руках, стали гнуться. Через какое-то время я понял, что вперед не продвигаются ни на дюйм, какие бы усилия ни предпринимал. А вскоре меня стало относить назад. Я решил, что за погнутые весла Володя меня не поблагодарит, надо будет ответить, но выгребти физически не смогу. Наконец пристал к островку, к которому меня, можно сказать, снесло. Волны, брызги, жуткий ветер, дождь — это то, что окружало. Лодку било о камни. Я вытащил Казанку на берег и поставил ее так, чтобы волны не швыряли ее. Раскрыл тент, оберегающий лодку от брызг. Поднялся к росшим тут соснам. Ветер жутко свистел в ветвях. На море разыгрался настоящий шторм. Мне было не холодно, потому что физически работал. Моторку приходилось периодически переставлять, искать более закрытое место. Был уверен, что кто-нибудь из соседей придет на помощь.

Теперь о действиях на берегу. Ира, озабоченная тем, что я не возвращаюсь в такую погоду, побежала по соседям. Федор Федорович и его свояк Юрий Михайлович, главный механик атомохода «Ленин», проводивший в то лето отпуск в селе, сказали, что надо подождать, в такую непогоду идти в море не стоит. В бинокль они увидели меня и поняли, что я в безопасности.

— Море успокоится, тогда пойдем и снимем! — сказали они. — Сейчас рисковать незачем! А волнение скоро стихнет — видны уже признаки.

Ира побежала по другим домам. Прибежала к Афоне. Тот спал, но его разбудила жена. Он вышел, суровый, собранный, сразу отправился к лодке, на ходу выслушивая Ирину.

И вот я вижу точку, которая постепенно растет, затем превращается в лодку, слышу

равномерное тарыхтение стационара. Подплыл, Афоня вылез на берег. Подошел ко мне, пожал руку. Назвался, я — тоже. Далее он действовал быстро и четко, команды отдавал лаконичные. Подошел к казанке, коротко бросил:

— Опустит тент! — я опустил, поняв, что иначе будет парусить.

Следующая команда:

— Давай якорь!

Я передал ему привязанный к канату якорь. Он приторочил его к банке на своей лодке. Скомандовал:

— Садись в лодку!

Афоня залез рукой под свою дору, выдвинул руль, запустил движок, поплыли. Или, как сказали бы моряки и рыбаки, «пошли!». Как приятно в непогоду сидеть рядом с настоящим помором, следуя за его надежной лодкой, и слушать однообразное постукивание работающего движка. Медленно, но ритмично пришли к берегу и отправились с Афоней ко мне домой. У нас оставался спирт, который мы с ним и освоили. А потом я несколько лет подряд, когда привозил спиртное, угощал Афона.

Он развелся с женой. Стал угрюмым. И однажды после развода, а была тоскливая и длинная зимняя ночь, полез в петлю. А был внешне очень красивый человек, русский помор, светловолосый богатырь. Помню, он спокойно приподнимал корму моей первой, только что купленной деревянной лодки и изрекал:

— Килограммов триста весит. Это точно!

О ком мне еще хотелось бы сказать? Да и просто не сказать о нем было бы нельзя — это об Анатолии Ивановиче Прокöpfeве. Не помню, кто нам сказал о нем. Видимо, Галина Ивановна Ильина. Не могу вспомнить, в связи с чем. Человеком этот был начальником цеха на Кандалакшском заводе. Вышел на пенсию. Раз в неделю он приезжал на день-два в город. Попутно он привозил всем, кто нуждался, какие-то покупки. Потом, в начале девяностых годов, оформлял и привозил старушкам, жившим в селе, ваучеры. Там, на Севере, ваучеры действительно работали — многие получили телевизоры, холодильники... Когда почту в селе упразднили, стал возить желающим корреспонденцию, газеты. Позже началась компания оформления в собственность земли и домов. Происходило оно в Кандалакше. А для этого архитекторов, геодезистов, зем-

лемеров надо было пригласить и привезти в село. Мы занимались этим несколько лет. Причем приезд в Кандалакшу заканчивался, как правило, словами:

— Приезжайте на будущей неделе. Будем продолжать.

Машин у дочери и племянника тогда не было. Чтобы приехать, надо было встать около пяти, позавтракать, в шестом часу выйти из дома, отмахать двенадцать километров до станции, чтобы успеть на семичасовую электричку. Провести в дороге пару часов...

Однажды Анатолий Иванович сказал, что себе уже все оформил, участок и дом, узнал, к кому обращаться и что делать, готов посодействовать и для нас. Мы оформили у нотариуса доверенность. Периодически Анатолий Иванович сообщал нам, как продвигаются дела. Прошло два с небольшим года. И вот — радость! Все документы на двенадцать соток, на наш дом и на дом, построенный моему племяннику, на лодочный сарай получены! Анатолий Иванович рассказывал, что, конечно, из него выжимали какие-то деньги, какие-то взятки.

— Но что с меня возьмешь? — завершал он разговор на эту тему.

Удивительно, что основная масса наших людей не привыкла обращаться к нотариусам, архитекторам, геодезистам. Многие

люди сникают, киснут и сдуваются, услышав слова «Межевание земли», «Кадастровый план», «Свидетельство на недвижимость», «Счет-фактура», «Техпаспорт». А разговор с чиновниками? Конечно, это не вызывающе грубые московские или подмосковные чиновники, но все-таки разговор с ними требует нервов и массу времени.

Так вот Анатолий Иванович мне и, конечно, не только мне, а многим, выправлял документы, методично добивался их оформления.

От Галины Ивановны Ильиной знаю, что и Анатолий Иванович Прокопьев, и его отец вот так вот сами брали на себя обязательства перед людьми и выполняли их. Методично, скрупулезно, спокойно... А ведь оформление бумаг требовало и обращения в судебные инстанции, обращения в различные службы областного и районного хозяйства... От одних очередей простой обыватель сбежит, махнув на все рукой...

Анатолий Иванович очень сокрушался, когда выяснил, что оформление дома и участка для Зеленцовых, чем несколько их поколений владеют свыше сотни лет, невозможно, так как дом и земля расположены в водоохраной зоне — на федеральных землях... И так переживает он за всех односельчан.

***

Вспомнил, как познакомился с Анатолием Ивановичем. Жизнь у моря без лодки — это не жизнь! Несколько деревянных лодок перебивало у нас. В каждый приезд их надо было смолить, поддерживать, красить. Что мы и делали. Но все равно служили они у нас недостаточно долго. И вот прошел слух по селу, да и сами мы видели, что появилась масса пластиковых лодок «Пелла — Фиорд» зелено-синего цвета. Их из добрых побуждений закупает в Кандалакше и привозит в село всем желающим Анатолий Иванович Прокопьев. На этой почве знакомство и состоялось!

Вот одно слово — «смолить», а за ним — целая эпопея. Битум надо было достать и привезти из Москвы, чтобы не тратить драгоценное отпускное время, или из Кандалакши. В Лесозаводе или в Зеленоборском эту ценность не достать. Далее необходимо разогреть. А разогреть битум надо было до состояния кипящей массы. У местных жителей специально для этого

имеются толстые чугунные котлы. Иногда я пользовался ими — когда предлагали. Самому просить неудобно. А наша посуда для этого — чайники, трех- или пятилитровые жестяные банки — быстро выходили из строя — прожигались и прогорали. Однажды по совету кого-то из местных жителей я использовал баллон для тушения пожара. Разогревая, побаивался взрыва. Ведь закрытые сосуды взрываются!

Нужно было еще заготовить швабры — деревянные ручки с веревочными или канатными метлами. И важно было быстро — пока битум не остыл и не затвердел — промазать лодку, а главное — ее швы! Тогда лодка не будет пропускать воду. Для промазки щелей и швов, стыков между досками следовало приготовить металлические прутья, по форме похожие на кочергу. Плоской стороной такой «кочерги» и надо было кипящий битум «втереть» в дерево, в пазы, в сочленения обшивки...

Есть еще что-то, что помимо моря, леса, явлений природы и людей привлекает меня в эти благословенные места. Иногда неумолимо тянет, притягивает сюда. Я здесь по-настоящему полюбил работать с деревом, с инструментами. Основные из них — пила, рубанок, молоток, стамеска, топор. Сделал в доме, в пристройке, себе мастерскую, и в эллинге, или лодочном сарае, тоже, дабы не ходить туда-сюда. И там, и здесь нужны инструменты, для удобства нужны верстаки, точила.

Нет ничего приятнее, приостановив работу, взять пригоршню опилок и вдохнуть смолистый запах только что отшлифованной доски. И великое наслаждение испытываешь, когда из груды невзрачных досок получается что-то необходимое в хозяйстве, обработанное с любовью, чистенькое и гладенькое изделие, на которое долго-долго любишься, а налюбоваться не можешь. И еще долго бросаешь взгляды на сделанное тобой, случайно или нарочно оказываясь рядом.

Последние годы появилось много электроинструментов — электрорубанки, электродрели, шуруповерты, электропилы. И с ними в момент можно сделать то, на что раньше

уходили часы и дни. Но почему-то того кайфа от работы нет, исчез. Какая-то бездушная удовлетворенность есть, а радость ушла.

Вспоминаю, с какой гордостью показывал Федор Федорович мне отшлифованные руками деревянные ручки рубанков, которыми сотни две лет!

В первые годы приходилось работать очень много: менять стены, сооружать пристройку, укреплять и улучшать дом, делать сараи. Трудился я с утра до вечера. В первое лето я ни разу не был в лесу, на рыбалку ходил однажды — сосед позвал. Пятнадцать килограмм гвоздей я использовал тем летом. Работы было много! Но я специально ограничивал себя, чтобы не разбрасываться, ведь до отъезда мог и не успеть! Ограничивал себя так: возводил пристройку только снаружи — стены и крыша. Успел! А окна прорезал уже на следующее лето, внутренние перегородки строил, кухню, мастерскую и кладовку отделявал. В то ударное лето ложишься спать, а в ушах — ритмичные удары. Лежу и думаю: «А кто же это стучит? Я перестал. Кроме меня, никто не стучал и не стучит так долго. Больше ведь некому!» Прошло время и я понял, что это моя кровь пульсирует в жилах, пульсирует в висках!

***

Вернувшись из Ковды, вижу яркие картинки разрозненных впечатлений своего пребывания там. Трепещущий куст дыма дрожит и шатается над костром, потом ветер прижмет дым к земле, как пойманного зверя, или выгнет вдруг столбом и гонит вкось. Лучи заходящего солнца обливают косогор со строениями, окрашивая все подряд закатным красным цветом. Вот Слава Егоров закаляет внука Ярика, окуная его в море. Ну, раз звенит детский голос, значит, точно, у села есть будущее! Анатолий Иванович стоит у своей калитки и приветливо встречает фразой:

— Заходите!

Ирина Николаевна заходит к нам с миской, полной спелой клубники:

— Вот, набрала. Анюте на день рождения. Пусть поест!

Солнечный луч высвечивает горящую в руках Гали Голубевой драгоценность — красного морского окуня, будто посылающего сверкающие лучи в разные стороны:

— Первый раз в руках держу золотую рыбку! Огромная редкость и огромная радость! Буду загадывать желание, не промахнуться бы только с пожеланиями!

